

Юлия Карпенкова

выпускница исторического факультета БГУ с 15-летним опытом в сфере культурного туризма, прошедшая профессиональный путь от гида до руководителя организации. Специалист в сфере бизнес-анализа и цифровой трансформации. Соавтор программ подготовки гидов и руководителей туристических групп. Студентка магистерской программы ЕГУ «Развитие культурного наследия».

Новая концептуализация цифровой интерпретации наследия

От расширения возможностей классических техник
до нового уровня коммуникации

Юлия Карпенкова

The New Conceptualization of Digital Heritage Interpretation

From Extension of Classical Approaches
towards the New Communication Levels

The article of the student of the EHU's MA program «Cultural Heritage Development» Julia Karpenkova aims at examination of the current trends in heritage interpretation and overview of the new opportunities that digital technologies provide to both heritage professionals, heritage lovers and communities. The main idea is that interpretation theory must react and act in accordance with new technologies which have a potential to fundamentally change the very nature of heritage understanding and use. The text is a part of a research project, conducted by Julia at EHU.

Мы живем в эпоху, когда технологии принимаются как должное практически в каждом аспекте жизни. Цифровые технологии повлияли на то, как мы используем память и ищем информацию, на пути коммуникации и взаимодействия между людьми, на то, как мы потребляем и покупаем вещи и услуги, какие развлечения выбираем. Культурный сектор не является исключением, ведь цифровая эпоха значительно изменила и его.

Внедрение информационных технологий в музеях и на объектах культурного наследия требует мультидисциплинарного подхода, при котором эксперты из разных областей взаимодействуют и работают вместе для достижения эффективного и значимого результата. На сегодняшний день применение цифровых технологий в сфере культурного наследия вышло далеко за рамки знаний специфического оборудования, как это было на заре его развития. Содержание и структура, а также то, какие инструменты использовать в репрезентации и интерпретации, зависит от глубокого понимания потребностей

аудитории и ее ожиданий. С учетом того, что стремительно меняются технологии, нужно делать акцент не на изучении и описании используемых технологий, а на понимании мотивов, лежащих в основе их использования. В этом случае исследование останется актуальным, даже когда технологии шагнут вперед.

Растущее использование цифровых технологий требует переоценки профессиональных норм в сфере культурного наследия. Практическое применение продвинутых цифровых устройств, систем и методов предлагает соблазнительные возможности для увеличения доступности, максимизации публичного авторитета, уменьшения расходов, сохранения, репрезентации и интерпретации наследия в новой, более доступной во всех смыслах форме. Цифровые технологии, тем не менее, представляют собой рискованный этический вызов, ставящий под вопрос существующие понятия, определения и профессиональные ценности и способствующий дальнейшему уходу понятия интерпретации наследия от его классического понимания.

Интерпретация наследия по-новому

Для начала предлагаю рассмотреть, что же подразумевает это классическое понимание и как оно трансформировалось во времени. Классический дискурс наследия и его интерпретации – это монолог профессионала, обращенный к слушателю, целью которого является эмоционально донести факты (авторитетное мнение эксперта), создать связь (либо иллюзию связи) слушателя с наследием и заставить его осознать ценность и необходимость сохранения наследия. В существующем понятии интерпретации важную роль стала играть развлекательная составляющая, способная генерировать прибыль. Внешняя информация и внутренняя интерпретация создают убедительную картину определенных аспектов исторической реальности. На

первый взгляд приведенное выше определение выглядит логичным и правильным, но если вдуматься, становится понятно, что оно изрядно «устало» и требует переосмысления. В поиске новых смыслов исследователи изучают различные аспекты интерпретации наследия в современных реалиях.

Самым цитируемым автором в области интерпретации наследия был и является Фримен Тилден, еще в 1977 году сформулировавший 6 основных принципов интерпретации (они прекрасно применяются и сейчас) и описавший их в своей работе ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НАШЕГО НАСЛЕДИЯ [1]. Тилден, как представитель своего времени, отделяет интерпретацию наследия от любой другой интерпретации, обозначая ее как «образовательную активность для посетителей». Принципы интерпретации Тилдена звучат актуально и сейчас, особенно если рассматривать их с точки зрения пассивности и невежества посетителя / туриста против экспертности интерпретатора.

Интерпретация по Тилдену – это такая презентация объекта, которая привлекает внимание и создает связь между наследием и опытом посетителя, она должна быть приятной, интересной и содержательной, хорошо организованной, побуждать совершить некое открытие на основании имеющейся информации, а также должна подходить для различных аудиторий и четко раскрывать тему.

Очень хорошо данное понимание интерпретации вписывается в концепцию властного дискурса наследия, описанного Лораджейн Смит в книге ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАСЛЕДИЯ [2]. Объекты наследия управляются и интерпретируются профессионалами со специальным образованием, а массы туристов проходят мимо стандартизированной истории и культуры, имеющей мало общего с реальностью. В рамках массового потребления наследия редко речь идет о том, что у посетителя помимо красивых фотографий останется еще и обогащенное сознание, подкрепленное желанием делать выводы.

Британский социолог Дэвид Аззелл дает измененный взгляд на интерпретацию наследия в своей статье *Интерпретация наследия в Британии спустя четыре десятилетия после Тилдена* [3]. Обозначенный им новый реконструктивный подход имеет интеллектуальную направленность, представляет различные перспективы и интерпретации прошлого и связывает их с настоящим. В рамках данного подхода информация об объекте наследия должна стимулировать различные мнения и активное соучастие. Невозможно просто навязать одно единственное объяснение объекта или аспекта наследия и ожидать неизменной реакции зрителя, так как у каждого посетителя будет свое собственное восприятие, основанное на предыдущем опыте и знаниях. Однако, как замечает Аззелл, данный метод не пользуется популярностью, так как его сложно применять в неформальной обстановке, где посетитель хочет получить скорее развлечения, чем пищу для размышлений.

Размышления на эту тему можно увидеть и в работе Дэвида Лоуэнталя *Прошлое – чужая страна* [4], написанной десятью годами ранее. Автор рассуждает о том, можем ли мы претендовать на опыт прошлого без критического осмысления, ведь на наше восприятие и мировоззрение влияют сформированные ранее предубеждения. Такой подход он противопоставляет широко распространённому и применяемому подходу поверхностного вовлечения.

Австралийский автор Рассел Стаифф в своей книге *Переосмысляя интерпретацию наследия* [5] открыто критикует подход Тилдена и рассматривает классическую профессиональную интерпретацию как один из вариантов репрезентации. Главная его идея состоит в том, что если раньше роль критика и толкователя брал на себя профессиональный интерпретатор, то сейчас, в эпоху изобилия информации и ее доступности, человек осмысляет профессиональную ин-

терпретацию наряду с другими доступными источниками и своим собственным опытом. Также Стаифф затрагивает тему влияния современных технологий на изменение самого понятия интерпретации.

Следует отметить, что вопросы использования технологий в сфере интерпретации культурного наследия входят в сферу интересов цифровых гуманитарных наук. Например, австралийский исследователь Пол Артур рассуждает об использовании цифровых методов в различных гуманитарных сферах, в частности в музейной практике, включая цифровую репрезентацию и коммуникацию, виртуальные выставки и другие онлайн-расширения физического опыта пользователя. Цифровое соучастие, по его мнению, может быть реализовано через интерактивные нарративные форматы, социальные медиа, коллективное авторство и Web 2.0.

Следуя за мыслью исследователей, мы делаем вывод: наследие должно быть вынесено из погрязших в бюрократии кабинетов в публичную сферу. Интерпретация наследия – это чрезвычайно важная общественная деятельность, где под общественным понимается не условно общественное обсуждение выбираемыми представителями власти, а открытая дискуссия всех заинтересованных членов общества [6]. С XIX века сфера наследия плавно перетекла в исключительно профессиональное русло и не обсуждалась повсеместно в отличие от, например, политики в отношении мигрантов и экологии, а ведь это не менее важно, так как на наследии основано прошлое, настоящее и будущее. Чем активнее публичная коммуникативная активность, тем больше возможностей для нахождения консенсусов, тем большей легитимностью обладает коллективная воля. Это крайне важно сейчас, в период конфликтов ценностей, которые все еще передаются при помощи односторонней коммуникации и становятся более значимыми из-за бездумного пассивного потребления.

Актуальные международные документы (например Хартия Бурра (2013), Рамочная конвенция Фаро (2005) и пр.) породили новый подход к интерпретации, увеличив количество заинтересованных участников и их роль в создании и потреблении продукта наследия. Так, Хартия интерпретации и презентации мест культурного наследия ИКОМОС (2008) – это попытка построить взаимодействие между сообществами, заинтересованными индивидами и профессионалами с использованием новых технологий и широким вовлечением всех акторов. Во многом благодаря этим документам появились новые голоса и новые темы в дискурсе интерпретации, в котором профессионалы рассматриваются как ретрансляторы эмпирической информации, а локальные сообщества будут передавать свою идентичность, «место как сознание». Сообщество наследия воспринимается в документе как «носители ценностей», при том, что эти ценности иногда сталкиваются, смешиваются, эволюционируют и заново создаются.

В новых проектах ИКОМОС, подразумевающих работу с сообществами, интерпретация видится как основа гражданского вовлечения, а не туристического развития. В рамках данного подхода интерпретация – это не попытки консервации сверху вниз, а групповая деятельность и выражение развивающейся групповой идентичности, осуществляемая наравне профессионалами и непрофессионалами. Интерпретация из дидактической превращается в перформативную. Чувство идентичности и общности не может быть навязано извне, так же, как и интерпретация, сплетенная из голых цифр и текста, не сможет вдохновить посетителя для того, чтобы увидеть культурный ландшафт как совокупность ценностей.

В рамках «экономики опыта» или «экономики развлечений», породившей классический подход Тилдена и его последователей, потребитель наследия не вносит вклад в формулирование национальной памяти или

определения социальной значимости, пассивно выбирая места для потребления и генерируя прибыль. Что же изменилось сейчас, и как на это повлияли развитие цифровых технологий и доступность информации?

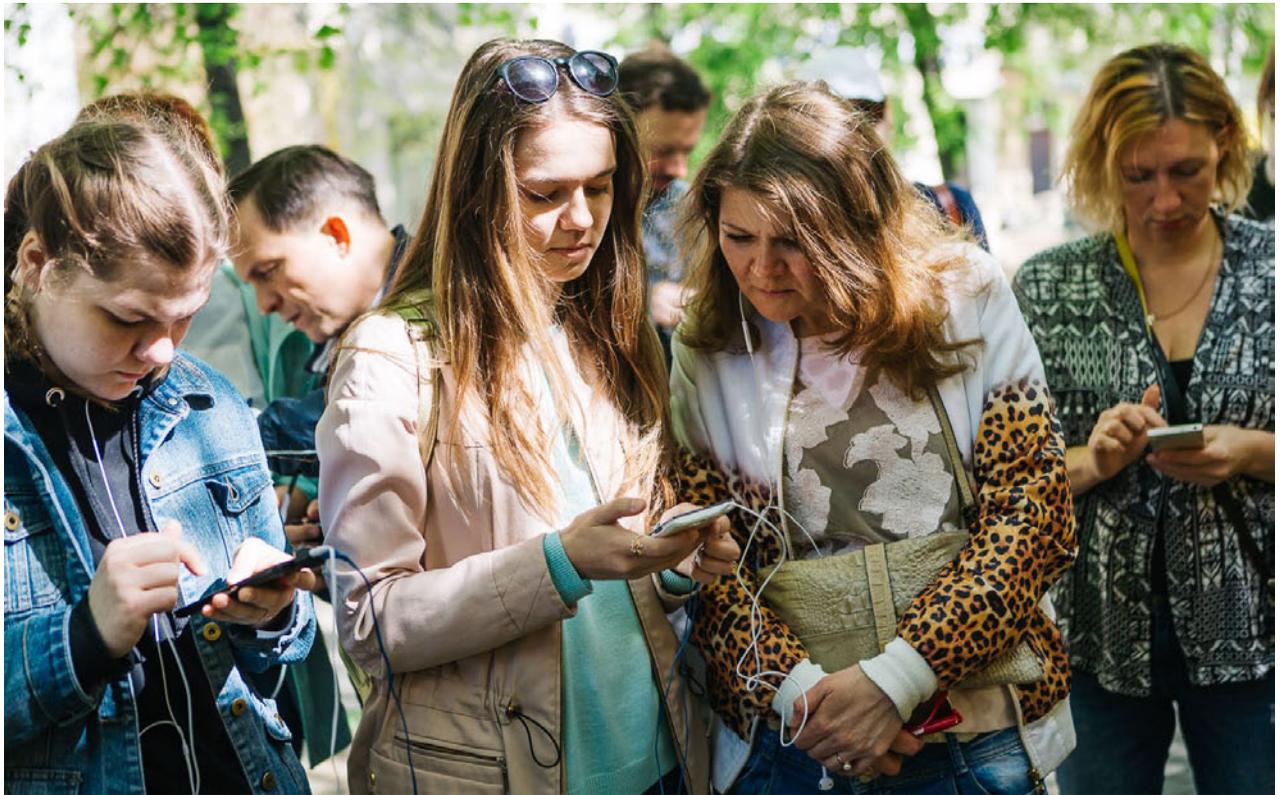
Цифровые технологии, меняющие игру

С момента их зарождения технологии играли не прямую, но значимую роль в сфере культурного наследия. Можно провести параллель между трансформацией теоретических представлений об интерпретации наследия и практическим применением технологий. Если на начальном этапе развития речь шла исключительно об использовании инноваций непосредственно на объекте, то позже – и о виртуальных реконструкциях.

На протяжении последних десятилетий исследователи уделяют много внимания способам репрезентации и интерпретации наследия (совместное творчество, электронные образовательные проекты, цифровые архивы, производство нарративов, игры с использованием объектов наследия) с помощью цифровых технологий (VR/AR, 3D-моделирование, GIS, Bluetooth, QR и пр.), которые наравне с социальными медиа усилили вовлеченность пользователей в конструирование смыслов. Цифровые интерактивные приложения уже давно привлекаются для интерпретации наследия, и если прежде они использовались в основном для расширения возможностей репрезентации либо как платформа для размещения дополнительной информации, подготовленной профессионалами, то сейчас наблюдается смещение в сторону вовлечения сообщества и создания равенства среди множества голосов.

На начальном этапе применения цифровых технологий для интерпретации наследия преобладал классический подход, в котором за посетителем сохраняется роль пассивного потребителя информации. Доступ к ней мож-

Мобильное приложение Brest Stories Guide, посвященное событиям Холокоста в Бресте
Фото с презентации приложения

1 Краудсорсинг – привлечение к решению тех или иных проблем инновационной производственной деятельности широкого круга лиц для использования их творческих способностей, знаний и опыта по типу субподрядной работы на добровольных началах с применением информационных технологий.

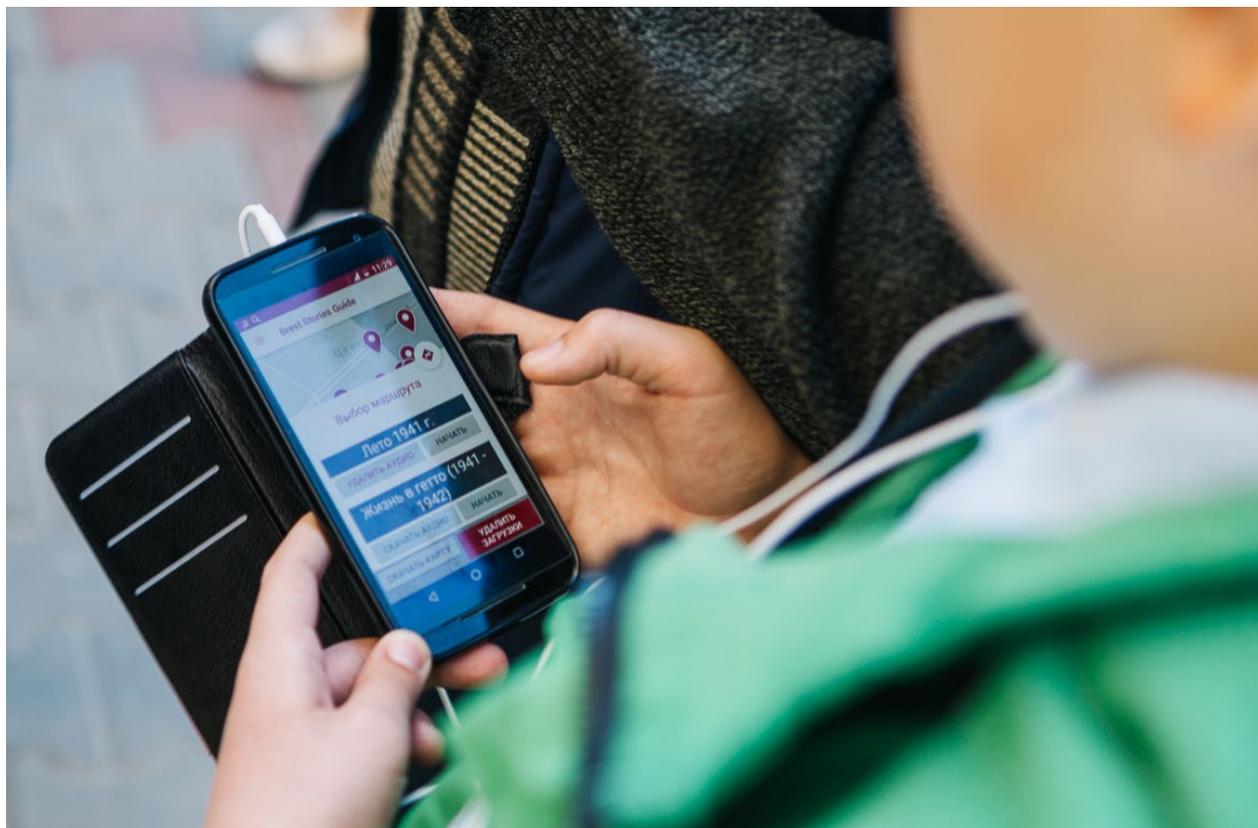
2 Иммерсивные технологии подразумевают трансформацию роли педагога, делая акцент на проектировании многомодальной виртуальной среды, создания сценариев погружения. За последние несколько лет «иммерсивность» в сфере образования была признана мощным и эффективным инструментом поддержки обучения.

но было получить при помощи сканирования QR-кодов, либо поднеся мобильное устройство к специальным устройствам, активирующим нужный пакет информации благодаря Bluetooth. На данном этапе речь идет скорее лишь о некоей интерактивности, развлекательной составляющей.

Следуя за технологическим прогрессом, интеграция цифровой репрезентации и краудсорсинга¹ для коммуникации и взаимодействия в сфере наследия превратилось в заметный тренд. Популярность совместного созидания как способа взаимодействия растет не только в интерпретации, но и в создании музейного продукта, управления наследием и пр. Открытые музейные коллекции могут быть использованы как в традиционном, так и в неформальном образовательном контексте для обмена мнениями между различными заинтересованными акторами. Более того, люди, объединенные в виртуальные сообщества, наделены возможностью создавать свой собственный цифровой культурный ландшафт, просто делясь фотографиями, аудио- и видеозаписями и нарративами. Виртуальные

игры, созданные на основе реальных ландшафтов, иногда с использованием дополненной реальности, используются для мотивации молодых пользователей к исследованию собственного наследия. Они побуждают их конструировать свое мнение, основанное на изучении предмета.

Дополненная реальность используется в качестве иммерсивной технологии², на основе которой приложения могут продвигать, например, ценность индустриального наследия и музеев в системе образования и других сферах. Благодаря этой технологии создается наложение реальностей, что способствует конструированию новых смыслов на стыке данных. Дополненная реальность может использоваться в качестве медиатора между целевой аудиторией и специалистами. 3D-моделирование и печать используются для дополнения существующих образов и переноса их в цифровую среду. Однако это сложно назвать инновацией с точки зрения интерпретации, так как происходит лишь упрощение и удешевление классического моделирования.

Интересен аспект использования комбинации технологий 3D-моделирования и виртуальной реальности для сохранения, репрезентации и интерпретации нематериального наследия. На сегодняшний день такие средства коммуникации как 3D-моделирование и анимация скорее делают возможной демонстрацию, нежели привносят что-то новое в интерпретацию.

В рамках некоторых проектов, связанных с наследием, широко используется концепция краудсорсинга в комбинации в GIS-технологией³. Например, вносимые пользователями данные собираются, обрабатываются и визуализируются.⁴ Добавив к такому сервису функцию обмена информацией, можно было бы создать настоящую социальную сеть для объектов наследия, в которой от их имени говорило бы сообщество.

Виртуальная среда активно используется для интерпретации культурного наследия и его устойчивого развития. Социальные медиа вносят значительный вклад в коллективную память сообщества через создание narra-

тивов и культурного выражения в фото- и видеоматериалах. Следует отметить, что под социальными медиа тут понимается любой цифровой инструмент, который позволяет быстро создавать контент и делиться им с другими пользователями: Facebook, Twitter, Instagram, YouTube и другие приложения, созданные для социального взаимодействия. Социальные медиа подчеркивают равноправие дискурсов, будучи доступными всем пользователям интернета для того, чтобы публиковать, обсуждать, читать и транслировать информацию бесплатно. Пользователи могут публиковать информацию и получать реакции мгновенно. Социальные сети позволяют усилить вовлеченность людей в тематику наследия, сделать их соучастниками интерпретации, предоставив им равные права с профессионалами отрасли.

Апробируя теоретические исследования в области партисипативной интерпретации, сотрудники музеев и объектов наследия активно используют социальные сети в своей деятельности, побуждая сообщество при-

³ Географические информационные системы, создающие привязки объекта к местности (карты).

⁴ Например, на базе платформы SOCH проекта Share Our Cultural Heritage (<https://soch.ncl.ac.uk/>)

Мобильное приложение Brest Stories Guide,
посвященное событиям Холокоста в Бресте
Фото с презентации приложения

нимать участие в конструировании смыслов вокруг наследия. Упомянутые ранее QR-коды могут быть использованы для перенаправления пользователя не только на страницу с профессиональной информацией, но и на публикации в социальных медиа, содержащие обсуждение объекта, что способствует соучастию и обогащает интерпретацию. Еще один подход — это создание историй с помощью сбора и анализа нарративов, публикуемых пользователями, например, постов и комментариев в Facebook. Это позволяет проникнуть в сознание сообщества и понять его мысли и ожидания.

Классическая интерпретация застряла в трясине, где «как» стало более важным, чем «почему» и «зачем». Ответ на вопрос «зачем» лежит как раз в широкой социальной функции интерпретации наследия как глубокой рефлексии над правами и ролью неэкспертной публики в формировании и развитии взглядов на прошлое. Концепция коммуникативного действия обладает большим потенциалом в переосмыслении теории интерпретации наследия, а цифровые технологии делают это возможным благодаря созданию удобных платформ для публичных дискуссий.

Современные цифровые технологии могут не только успешно дублировать аналоговые источники, но и являться действенным инструментом соучаствия в интерпретации наследия. Они создают новые формы взаимодействия и партисипации, наделяют наследие уникальными смыслами и способствуют более глубокому его пониманию [6]. Профессионалы наследия должны критически оценить достоинства и недостатки цифровых технологий, чтобы этически адаптировать их к текущим определениям, ценностям и нормам и при этом полностью реализовать потенциал инноваций.

Использованная литература

- [1] Tilden, Freeman. *Interpreting our Heritage*. University of North Carolina Press, 1977. 224 p.
- [2] Smith, Laurajane. *The Uses of Heritage*. Routledge, 2006. 368 p.
- [3] Uzzell, D. *Heritage Interpretation in Britain Four Decades after Tilden* // *Manual of Heritage Management* (Ed. Rodney Harrison). Oxford: Butterworth-Heinemann, 1994. P. 293–302.
- [4] Lowenthal, David. *The past is a foreign country*. Revised. Cambridge: University Press, 2015. 680 p.
- [5] Staiff, Russell. *Re-imagining heritage interpretation: enchanting the past-future*. Routledge, 2014. 208 p.
- [6] Silberman, N. A., *Heritage Interpretation as Public Discourse: Towards New Paradigm* // *Understanding Heritage* (Ed. Albert M., Bernecker, R., Rudolff, B.). De Gruyter, 2013. P. 21–34.